

культуры и переориентировкой с пользы, приносимой фетишем, на его ценностную нагрузку. Музеефикация – это переход артефакта в статус экспоната, музейного объекта, который представляет несомненную ценность для человека, определенной группы лиц или государства и, следовательно, охраняется ими. Превращение артефакта в экспонат – это всегда признание его культурной, исторической, социальной или образовательной ценности. Однако отметим, что даже в условиях высокоскоростного технического и информационного прогресса человек остается человеком, который требует хлеба и зрелищ. Зрелищность – это один из путей реализации перформансной коммуникации, о которой говорит Г.Г. Почепцов [8]. Использование интерактивных технологий, аудио-визуального сопровождения является способом воссоединения темпоральных слоев культуры, нахождения связи исторической памяти с принципом «здесь и сейчас», которым руководствуется современный человек.

Музеефикацию часто называют консервацией или мумификацией, желая придать этому явлению несколько негативный оттенок. Следует заметить бессмысленность подобных попыток, поскольку данный процесс является формой сохранения культурного опыта и наследия. Музеефикация связана с осознанием человеком темпорального расслоения культуры на слой прошлого и слой настоящего, а также бесконечной взаимопроницаемости и взаимосвязи этих слоев.

Источники и литература:

1. Аверроэс (Ибн Рушд). Опровержение опровержения / Аверроэс (Ибн Рушд) ; [пер. С. И. Еремеева]. – К. : УЦИММ – Пресс ; СПб. : Алетейя, 1999. – 688 с.
2. Блюхер Ф. Н. «Время» в истории / Ф. Н. Блюхер // Философия науки. – Вып. 6. – М. : ИФ РАН, 2000. – С. 110–133.
3. Зинченко В. Г. Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме : учеб. пособие / В. Г. Зинченко, В. Г. Зусман, З. И. Кирнозе. – М. : Флинта, Наука, 2008. – 224 с.
4. Каган М. С. Общее представление о культуре / М. С. Каган // Введение в культурологию. Курс лекций / [под ред. Ю. Н. Солонина, Е. Г. Соколова]. – СПб., 2003. – 167 с. – С. 6–14.
5. Калугина Т. Музеефикация или мумификация культуры? [Электронный ресурс] / Татьяна Калугина // Terra incognita. – № 1-2. «Museum». – 1993 – 1994. – Доступ к ст. : http://www.terraincognita.in.ua/ti1/01_08ru.html.
6. Каулен М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России : монография / М. Е. Каулен. – М. : Этерна, 2012. – 431 с.
7. Маклюэн Г. М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего / Герберт Маршалл Маклюэн ; [пер. с англ.]. – М. : Академический проект, 2005. – 496 с.
8. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. – М. : Рефл-бук, Ваклер 2006. – 651с.
9. Принципы музеефикации [Электронный ресурс] // Археологическое общество Псковской области. – Доступ к ст. : <http://arheologpskov.ru/index.php/truvorovo-gorodishche/muzeefikatsiya/printsipy-muzeefikatsii>
10. Российская музейная энциклопедия : в 2 т. Т. 1. / [Мин-во культуры РФ, Российский ин-т культурологии, Ин-т «Открытое общество» (Фонд Сороса) ; Гл. ред. А. А. Сундиева, Ред. Э. В. Расшивалова, Сост. М. М. Кленина, Сост. О. В. Кульбачевская, Худ. А. Ю. Никулин, Худ. А. Е. Смирнов]. – М. : Прогресс ; Рипол Классик, 2001. – 416 с.

Ишин А.В.

УДК 94 (100+477.75)«1815-1882»

ЛИЧНОСТЬ АРХИЕПИСКОПА ТАВРИЧЕСКОГО ГУРИЯ (КАРПОВА) В ПРОСТРАНСТВЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

***Аннотация.** Статья посвящена анализу обширного духовно-интеллектуального наследия выдающегося церковного и общественного деятеля – Архиепископа Таврического и Симферопольского Гурия (Карпова). В работе используется широкий пласт как малоизвестных дореволюционных, так и архивных источников. Автор рассматривает такие аспекты деятельности Архиепископа Гурия, как организация церковной жизни, вклад в науку, культуру, миссионерскую деятельность, философско-теологическое достояние.*

***Ключевые слова:** наследие, духовность, просветительская деятельность, церковная жизнь.*

***Анотація.** Стаття присвячена аналізу багатой духовно-інтелектуальної спадщини видатного церковного й громадського діяча – Архієпископа Таврійського та Симферопольського Гурія (Карпова). У роботі використовується широкий пласт як малоизвестних дореволюційних, так і архівних джерел. Автор розглядає такі аспекти діяльності Архієпископа Гурія, як організація церковного життя, вклад у науку, культуру, місіонерську діяльність, філософсько-теологічну спадщину.*

***Ключові слова:** спадщина, духовність, просвітницька діяльність, церковне життя.*

***Summary.** The article is devoted the analysis of vast spiritual-intellectual legacy of prominent church and public figure – Archbishop Tavricheskiy and Simferopol'skiy Guriy (Karpov). A wide layer is in-process used both not popular pre-revolution and the archived sources. An author examines such aspects of activity of Archbishop Guriy, as organization of church life, contribution to science, culture, missionary activity, philosophical-theology property. The separate aspect of work is conditioned the analysis of mutual relations of prominent church figure with the representatives of other religious flows. In particular, correspondence is examined with Z. Zakharov, which testifies to the high level of christian respect of Archbishop to the man of other looks, about his toleration and high level of formed. This experience is especially actual in the modern world. An author*

examines the ponderable contribution of Archbishop to science, marks his deep formed. Ethnography, religiovedenie, philosophy, theology, study of a particular region, linguistics was tested on itself substantial deposit from the side of this prominent church figure. By a serious landmark in development of education opening of the Tavricheskaya spiritual seminary which became the important center of education on the Crimean peninsula.

Keywords: *legacy, spirituality, elucidative activity, church life.*

Введение. При соприкосновении с обширным и необычайно многогранным наследием Святителя Гурия вспоминаются удивительно глубокие строки Восьмого Псалма: «...что *есть* человек, что Ты помнишь его...». С именем Архиепископа Таврического и Симферопольского Гурия (в миру Григорий Платонович Карпов) (1815 – 1882) связано обширное наследие, имеющее огромное значение в пространстве отечественной истории и культуры.

Известный церковный историк, Епископ Гермоген в своем описании Таврической епархии отмечал: «Преосв. Гурий известен был многими добрыми чертами: это – преимущественно кротость, обходительность, осторожность, твердая преданность во всем воле Божией» [1]. Трудami Владыки Гурия в Таврической епархии развернулось широкое церковное строительство, были созданы духовная семинария, мужское духовное училище, преобразовано женское духовное училище, основано симферопольское Александроневское братство, начато издание епархиальных ведомостей. Обширные заслуги Святителя уже при жизни были отмечены многочисленными наградами: бриллиантовой панагией, орденами св. Анны 3-й, 2-й и 1-й степеней; св. Владимира 4-й, 3-й и 2-й степеней, пожизненной государственной пенсией, золотым наперсным крестом и другими знаками отличия [2].

Изложение основного материала. Труды Архиепископа Гурия по устройению и развитию церковной жизни неустанно дополнялись его просветительской деятельностью, богословским творчеством, которое пронизано глубочайшей образованностью и разносторонними знаниями Архипастыря.

Говоря об открытии новой подписки на издание «Опыт естественного богословия», Владыка отмечал: «Если при сочувствии общества наши усилия останутся не бесплодными, если правильно понятая наука просветит ум на столько, чтобы приблизиться к уразумению своего Творца, то мы будем вполне вознаграждены за наш труд. Простые сердцем, но сильные своею любовью к Богу, наши отцы приходили к этому разумению по духу веры, при колебании веры тоже достигается знание, которое, при безпристрастном отношении к науке, возводит ум человека на высокую степень разума таин природы, освещаемых откровением к познанию всей премудрости, предведения и благодати Виновника нашего бытия» [3].

В Слове на Новый Год Святитель Гурий совершенно по особому размышляет о проблеме бытия: «Всякий мыслящий человек, вникавший в дух и направление своих стремлений не мог не отличить в душе своей потребность непреложной истины, жажду высочайшего блага и совершенной красоты; не мог не заметить и того, что этих существенных стремлений души, кроме Бога – ничто не удовлетворяет. Природа видимая, как отражение бесконечных совершенств Творца, может только усилить ощущаемую потребность истины, только указать, что не в ней предел стремлений души, но никогда не успокоить ума, не утолить жажды сердечной. Ясно, что искомое, – то к чему стремится душа – вне, выше природы – в Боге. Бог есть не только цель стремлений души нашей, но и единственный руководитель на пути к цели. Только в Боге и Богом разрешаются все задачи ума; только в Боге и Богом утоляется жажда высочайшего блага, которая томит наше сердце; только в Боге и Богом успокоивается чувство, жаждущее совершенной красоты. Господь, как истинное солнце духовного мира, и согревает, и освещает, и оживляет нашу душу... Между тем заботясь об обновлении души, не должно забывать и той важной истины, что ум и чувство в душе суть силы служебныя. Ум, как свет, только освещает путь, чувство окрыляет, поддерживает деятельность. Главное – сердце, в нем сосредоточивается жизнь духа, его требует от нас и Господь устами Премудраго: *сыне! даждь ми сердце твое.* (Притч. XXIII, 26)» [4].

Уже в XX столетии эти идеи блистательно развивал Святитель Лука (в миру Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий), выдающийся ученый и богослов, профессор медицины, примером чему является его исключительно глубокая и универсальная монография «Дух, душа и тело».

В другом своем великом «Слове на Рождество Христово», произнесенном 26 декабря 1874 года в Семинарской церкви, Владыка Гурий с удивительной глубиной размышляет о том, что есть человек: «Человек – не маловажный предмет на земле. Материально он мал: есть много вещей массивнее его. Но он неизмеримо велик своею духовною стороною, своим умом. Изучив свойства и законы материи и силы физического мира, он в полном смысле слова владыка и господин! В отношении же к Богу он мал столько же, как и все прочее, потому что конечное и бесконечное несоизмеримы...» [5].

Прекрасное владение китайским языком, знание обычаев и традиций Китая во многом способствовало успешности апостольских трудов Архимандрита Гурия в Пекинской духовной миссии, хотя внешние условия там были достаточно сложны. Для примера приведем отрывок из пекинского письма тогда еще иеромонаха Гурия Саратовскому епископу Иакову от 14 августа 1844 г. (здесь и далее ст. стиль): «Китай – это старик, отживший свое время, который сделался уже, как дитя, обезсмыслен: видяще не видит, и слушая не разумеет. Его не разбудить надобно – как думают некоторые – надобно переродить, влить новую кровь в его устаревшие жилы, дать ему душу, совесть, семейный быт более благородный, гражданственность более прочную, связи, отношения менее корыстные, и потом уже надеяться, что христианство, привитое к этому помолодевшему пню, примется, разцветет и плод принесет» [6]. Помимо блестящих переводов книг Священного Писания и других душеполезных книг на китайский язык,

Святитель Гурий оставил исследования об истории Православия в Китае, о китайском буддизме, которые представляют несомненный интерес для современной науки.

Возглавив Таврическую епископскую кафедру (с 1868 г.), Владыка Гурий огромное внимание уделял организации исследований, сохранению и популяризации христианских памятников Тавриды. Преосвященный Гурий поддерживал контакты с известными кривоведами, в частности с известным исследователем христианских древностей Д.М. Струковым. В учрежденных Святителем «Таврических Епархиальных Ведомостях» публиковалось немало важных краеведческих материалов. Согласно его указанию, были сделаны фотографические копии уникальных памятников средневекового Крыма: греческого Евангелия, написанного на пергаменте XII в., и «Апостола» из знаменитого православного храма Святого Иоанна Предтечи в г. Керчи [7]. Важное значение имело участие Архиепископа Гурия в установлении гармоничной модели взаимодействия Церкви и научно-археологических кругов. Так, например, архипастырская резолюция от 20 мая 1876 г. об организации раскопок в Херсонесе гласила: «Не худо войти в рассмотрение обстоятельств дела и составить план; и [правила] раскопок т.е. [показать] долю участия и прав [ославнога] монастыря на могущия быть найденными вещи. Еп. Гурий» [8].

Печать глубокой образованности и рассудительности Святителя проявлялась и в его спокойном взвешенном восприятии важных событий епархиальной и общественной жизни. Об этом свидетельствует ряд крайне интересных архивных источников.

Так, например, в резолюции Владыки Гурия от 23 июля 1875 г. на рапорт священника Космо-Дамиановской Церкви селения Тимошевки Димитрия Дементьева об обращении скопцов говорилось следующее: «Искренности обращения скопцов я не верю. Советую и Вам быть осторожнее. Усердно наставляйте их в православной вере, обличайте заблуждение скопческое, но к св. причастию не допускайте скопцов по меньшей мере три года: / кроме смертного случая /. О ходе этого дела уведомляйте меня почаще и [пообстоятельнее]. [Впрочем] Вы ведете журнал Ваших беседований? Выдержки из него были бы очень любопытны. Прилежнее молитесь Богу о помощи. Еп. Гурий» [9].

Узнав о том, что в Бердянском уезде верующие собирались для прославления обнаруженной ими в источнике иконы Божией Матери, Архиепископ отреагировал следующей резолюцией от 31 мая 1877 г.: «Икону прислать в Кафедральный собор для хранения; деньги (79 к.) хранить в Берд[янском] соборе показывая (до времени) особою статьею; а народ убеждать, чтоб сами собою, без священников никаких собраний молитвенных не составляли и явленных икон не выдумывали. Еп. Гурий» [10].

Вместе с тем, он был чрезвычайно внимателен ко всем начинаниям, направленным на развитие православного просвещения в Тавриде. Ознакомившись с одним из докладов о состоянии дел по епархии, Владыка собственноручно написал: «Дочери Пр[отоиерея] Павла Горбова, девице Марии за ея усердные и полезные труды по рубановскому училищу преподать наше архипастырское благословение. Гурий, Еп. Тавр.» [11].

Преосвященный Гурий немало потрудился для просвещения многочисленных участников сект, наполнявших в то время Таврическую епархию. Так, в 1869 г. он посетил молоканскую колонию вблизи Ново-Григорьевки (Мелитопольский уезд), где лично познакомился с одним из вожakov таврических молокан донского толка крестьянином Зиновием Захаровым. Вследствие этого знакомства между Владыкой и З.Д. Захаровым началась деятельная переписка, которая не прекращалась по самый день упокоения Архиепископа Гурия. Письма Святителя к заблуждающемуся молоканину являются свидетельством огромного богословского таланта и глубочайшей эрудиции Архиепископа, его блистательных знаний Священного Писания и святоотеческой литературы, и, вместе с тем, великого терпения и подлинно христианской любви к ближнему.

В одном из писем Владыки Гурия к З.Д. Захарову Святитель призвал последнего не бояться обращаться за разъяснениями сложных духовных вопросов, выяснять «святую правду»: «В рукописи вы высказываете боязнь, нет ли в ней чего-либо подлежащего уголовным законам. Объявляю вам, что в ней нет ничего подобного. Впрочем, если бы и было что-либо высказано вами в какой-либо рукописи такое, что подлежало бы законному преследованию; то могу уверить вас, что я никогда не допущу этого, если только высказанное вами будет высказано без намерения нанести явное оскорбление Господу Богу или Преподержавшей Власти. Пишите откровенно, без боязни, с чистою любовию к святой правде. Ожидаю от вас скорого и вполне правдиваго ответа» [12].

Выводы. Нам еще только предстоит прикоснуться к скрижальям с богатейшим духовным наследием Архиепископа Таврического и Симферопольского Гурия, по-настоящему впитать и осмыслить это наследие. Святитель обладал удивительной способностью – заключать в простых словах истины, без преувеличения, космического масштаба. Его громадные многогранные труды, в которых остается еще немало нераскрытых страниц, несомненно, должны стать предметом серьезного осмысления современников, а личность этого церковного деятеля, несомненно, заслуживает быть увековеченной в Крыму и Симферополе – городе, ставшем для него поистине родным!

Источники и литература

1. Гермоген, Епископ Псковский и Порховский, Бывший Таврический и Симферопольский. Таврическая епархия. – Псков, 1887. – 173 с.
2. Там же. – С. 173–174 ; Протоиерей Василий Марущак. Архиепископ Гурий (Карпов) // Крымский Архив. – 1999. – № 5. – 99 с.
3. Таврические Епархиальные Ведомости. – 15 марта 1882. – № 6. – 323 с. Тексты Святителя Гурия даются в соответствии с фонетическими особенностями оригинала.

4. Слова и Речи Высокопреосвященнаго Гурия Архиепископа Таврическаго. – Симферополь. – 1883. – С. 17–23.
5. Там же. – 16 с.
6. Русские и греко-российская церковь в Китае в XVII – XIX вв. Сообщ. Епископ Макарий // Русская старина. – Т. 43 (июль, август, сентябрь). – 1884. – 660 с.
7. Иванов А. Преосвященный Гурий, Архиепископ Таврический и Симферопольский (Краткий очерк его служения в Таврической епархии) // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Т. XIII. – Одесса : Тип. А. Шульце, 1883. – 243 с.
8. Государственный архив Республики Крым (ГАРК), ф. 118, оп. 1, д. 1445, л. 4.
9. ГАРК, ф. 118, оп. 1, д. 1429, л. 1.
10. ГАРК, ф. 118, оп. 1, д. 1184, л. 1.
11. ГАРК, ф. 118, оп. 1, д. 775, л. 6.
12. Таврические Епархиальные Ведомости. – 1 июня 1873 г. – № 11. – 335 с.

Кокорина Е.Г.

УДК 008:130.123.3"714"

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СИНТЕЗА ИСКУССТВ КАК ЯВЛЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ РУБЕЖА XIX-XX ВЕКОВ

***Аннотация.** В данной статье рассматриваются ключевые тенденции развития системы искусства, которые дополняют и обуславливают друг друга: сохранение видовой обособленности и стремление к синтезу искусств. Целью работы является анализ предпосылок и оснований для активизации синтеза искусств на рубеже XIX-XX веков. Противопоставленный художественной разобщённости синтез становится закономерной особенностью культуры переходного периода, одной из целей которой было объединение возможностей всех видов искусства.*

***Ключевые слова:** синтез искусств, переходный период, рубежная культура.*

***Анотація.** У статті, що пропонується, розглядаються ключові тенденції розвитку системи мистецтва, які доповнюють та обумовлюють одна одну: збереження видової відособленості й прагнення до синтезу мистецтв. Метою роботи є аналіз передумов і підстав для активізації синтезу мистецтв на рубежі XIX-XX століть. Протиставлений художньої роз'єднаності синтез стає закономірною особливістю культури перехідного періоду, однією з цілей якої було об'єднання можливостей усіх видів мистецтва.*

***Ключові слова:** синтез мистецтв, перехідний період, рубіжна культура.*

***Summary.** The article is devoted to the key trends in the development of art that complement one another: the preservation of isolation of each kind of art, the separation of new ones; and tendency of synthesis of arts, their principles and rules. Both of these trends are fruitful and co-exist throughout the history of culture. Stable periods are characterized by a gradual development of art in its separate kinds; the inclination for synthesis is a constructive attempt to find new ways in response to the unstable situation in the culture. The aim of the article is to analyze the preconditions and foundations of the art synthesis activation at the turn of the 19th-20th centuries. The synthesis gives the opportunity to get rid of a strict canon, which may limit the creative realization. Contrasted to art dissociation, the synthesis becomes the naturally determined feature of the transitional period culture, which aims to bring together all the arts opportunities for integral reality reflection.*

***Keywords:** synthesis of the arts, transitional period, fin-de-siècle culture.*

Синтез искусств становится актуальным именно в переходные и кризисные периоды. Он противопоставляется разобщённости художественных тенденций. Как конструктивный «ответ» на деструктивный «вызов» времени синтез во многом способствует развитию и сохранению целостного искусства.

Современная система искусства отличается такими особенностями, которые, несомненно, присутствовали и в предыдущие периоды развития культуры, но теперь они наполняются новыми смыслами. Так, наиболее ярко проявляются две тенденции, которые, казалось бы, должны быть противоположными друг другу. Первая из них заключается не только в сохранении обособленности каждого вида искусства, но и выделении новых, которые продолжают своё оформление. Вторая тенденция состоит в стремлении к синтезу, слиянию искусств, их принципов и правил. Очевидно, что обе эти тенденции плодотворны и сосуществуют в течение всей истории культуры, однако на каждом новом этапе они проявляются по-разному, обнаруживая различные особенности. А. Зись в работе «Теоретические предпосылки синтеза искусств» поднимает вопрос: следует ли рассматривать современный художественный синтез естественным продолжением синтетических тенденций, берущих начало в прошлом, или он «является качественно иным, и в нём отражаются закономерные тенденции развития современной культуры?» [3, с. 5]. Подчёркивая, что разделению искусства на виды предшествовал синкретизм, то есть именно синтетический этап творческого мышления, автор отмечает, что после того, как искусство стало развиваться в отдельных отраслях художественного творчества, проблема синтеза поднималась опять, обнаруживая новые форму и содержание. Причём синтез воплощался не только в слиянии разных видов искусства, но и в формировании особенностей художественного мышления. Процессы видовой дифференциации и автономизации не противоречат тенденциям соединения. Они